

Л. И. АБДУЛЛИНА

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСТАНСКОЙ ПОЭЗИИ

В последнее десятилетие XX – начале XXI веков процесс качественного обновления художественных систем, освободившихся от множества регламентирующих рамок, определяет развитие русской литературы на всем постсоветском пространстве. Ситуация исторического и культурного взрыва в условиях приоритета коммуникационных технологий и средств массовой информации выдвинула на авансцену литературоведческой науки изучение и описание различных форм самоопределения художника.

Атмосфера бесконечных изменений, режим замены континуальности бытия дискретностью делает актуальным поиск общего начала, объединяющего разнородные и разнонаправленные тенденции современного мира. Сложнейшей задачей оказывается определение постоянной величины, которая выступит связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим. Переосмысление ценностей предыдущей эпохи составляет основу постмодернистской эстетики, в которой автор произведения в роли «двойного агента» (У. Эко, «Имя розы») призван связывать элитарное и массовое искусство, реальность и вымысел. Собственно литературное произведение, ориентированное на диалог одновременно с массовым потребителем и профессионалом, обретает двойственность языка и двойную структуру, «двойное кодирование» художественного текста.

В переходные, рубежные эпохи персональная идентичность автора утверждается в его ярко выраженной индивидуальной стратегии, исторически и социально стимулированной и претворенной в художественном сознании. Внутренняя перестройка русской словесности, начавшаяся с 1990-х годов, проявилась, прежде всего, в радикальном изменении жанрового репертуара, в изменении позиции автора и роли литературного героя. Повествовательные тенденции в поэтических текстах помогают казахстанским поэтам выстроить свой диалог с читателем. При этом одни писатели предпочитают тактику прямого обращения к читателю, другие избирают молчание, третьи – путь эстетического эксперимента.

Выступления поэтов одновременно в амплуа мемуаристов, очеркристов и издателей отражают авторскую потребность в диалоге с читателем и спор о читателе. Писатели и поэты выходят на литературные трибуны: участвуют в открытых дискуссиях на страницах периодической печати, альманахов и литературных журналов. При этом дух импровизации, искони присущий казахскому народу, особое отношение к слову, воспринимаются как национальная особенность отечественной словесности. Основоположник национальной поэзии Абай, чьи стихи и песни знала вся степь, передавая, подобно «степному Интернету» [1, 49], из аула в аул, на склоне лет написал знаменитую «Книгу слов», которую считал едва ли не самым главным из всего им написанного. Созданный им жанр суть – открытое слово акына, обращенное к своему народу.

Современная казахстанская литература позиционирует формотворческие стратегии словесного искусства. Однажды сказанные О. С. Сулейменовым слова: «Мне не отнять хлеб у стиховедов. Но поразмышлять о судьбах своего ремесла поэту необходимо. Без этого я не представляю нашу работу», – по сути, определяют одну из магистральных линий современной отечественной литературы [2]. Для Олжаса Омаровича Сулейменова, известного поэта XX-го столетия, литературоведа, общественного деятеля, политика, характерен профессиональный интерес к слову, к его этимологии и звуковому оформлению: «Человек с малых лет попадает в атмосферу Слова. ... Оно способствует формированию его художественного вкуса, мировоззрения, самосознания, отношения к себе и к природе» [2, 26]. В художественном мире поэта слово приобретает материальность, создавая модель самоидентификации авторской личности.

Стремление «поразмышлять о судьбах своего ремесла» определяет поиски поэтом наиболее адекватных его художественному мышлению жанровых форм: лирика, философско-филологические исследования о древнерусском памятнике «Слово о полку Игореве», полемическая книга стихов и прозы «Аз и Я», научные труды по

лингвистике «1001 слово», «Пересекающиеся параллели», «Язык письма». Для казахского писателя, создающего свои произведения на русском языке, предметом поэзии становится весь мир, который поэт покоряет своим творчеством и создает тем самым новую поэтическую реальность. Издревле у казахов высоко ценилось ораторское искусство, существовал определенный культ слова, об этом – замечательное стихотворение О. О. Сулейменова «Последнее слово акына Смета».

Слово поэта – это формула его души:

Любая влага,
    влитая в кувшин,
спеплит принять
    его литую форму,
а слово,
    проникая в глубь души,
ей сообщает
    собственную форму.

В книге «Аз и Я» – сплав публицистики с кропотливым анализом лингвиста», при этом цементирует повествование поэтический подход О. О. Сулейменова к научным проблемам: «Видеть в обыденном вечное – так формулирую одну из способностей литературы» [2, 6]. Поэт подходит к азбучным истинам с точки зрения собственного мировосприятия, – и они как бы «высвечивают» новыми оттенками смысла. Профессионально рассуждая о форме, О. Сулейменов терминологически точен: «Форму изменяет только само содержание» [2, 10].

Поэт Б. Канапьянов, восхищаясь талантом О. О. Сулейменова и продолжая традицию «старшего брата», отмечает в качестве типологических характеристик его поэтики «элементы жырау и толгау», «характерный для многих акынов так называемый «степной рефрен». Сугубо национальные корни творчества, вышедшие из многовековой традиции «поэзии степей», по мнению Б. Канапьянова, заключаются в способности «мгновенной импровизации не в угоду поэтической версификации, а рожденной самой поэтической мыслью, которая всегда живет в сулейменовском Слове, что «бродит в степи» [1, 55].

О. Сулейменов много и самобытно пишет об истории и теории казахской литературы, продолжая традиции «поэтической критики». В статье «Ты – мой герой» поэт предлагает собственную интерпретацию эволюции литературных жанров в казахской литературе: от «вольных азиатских

текзаметров» к «разделу наследия». Во время отделения прозы от эпоса, по мысли Сулейменова-критика, «кочевник проделал огромный путь к культуре от слушателя к читателю». Уважительное отношение О. Сулейменова к читателю прослеживается на протяжении всего творчества поэта. Читатель не просто адресат его поэзии и прозы – он одновременно действующее лицо и участник продолжающегося диалога с автором. Ориентация на читателя, как следует из сулейменовской логики, заставляет поэтов «пересмотреть свой арсенал».

Для О. Сулейменова свойственен парадоксальный, в основе поэтический, ход размышлений: «Мы читаем романы, слушаем эпос, и нам уже кажется, что стихи древних повторяли приемы современной прозы». Наблюдение поэта над формой словесного выражения объясняет закон взаимоперехода стихов и прозы и обнажает поэтическую основу современной прозы: «Будучи лириком по преимуществу, Сулейменов ощущает в себе властные эпические токи, тягу к большой поэтической форме. Мысль в его творчестве, как правило, не теряя лирической непосредственности, начинает приобретать эпическую глубину» (3, т. 2, с. 330). Поэт уверен, что «жанр должен наметить границы, отделяющие его от массы словесной породы», при этом во всех своих художественных высказываниях он верен эстетическому кredo: рассматривает своего героя «сквозь увеличительное стекло поэзии».

В поисках новых художественных форм, наиболее точно отражающих творческое проявление личности XXI века, известные и начинающие поэты движутся по «траектории» своеобразного синтеза форм словесного выражения, элементов разных видов искусства. Прав Бахытжан Канапьянов, утверждающий, что для нового поколения поэтов Казахстана «необходим глубокий творческий анализ поэтического наследия прошлых лет». Каждое свое произведение известный казахстанский поэт, как правило, «квалифицирует» с позиции жанра: «портрет-поэма», «поэма-хроника», «лирическое эссе», «медитативная проза», «повесть», «сказка», «фантастический рассказ», а книга «Над уровнем жизни» объединяет и прозу, и стихи по принципу «лоскутного одеяла». Книга Б. Канапьянова «Кофе-брейк» открывается рассуждениями автора о необходимости сделать «паузу» в жизнестремительном

потоке поэт усмотрел «вещество поэзии»: «Нынче, как воздух, людям нужна исповедальность: энергия яркой вдохновенной строки – и живое общение» [1, 8]. Главы-диалоги в определенной последовательности: «Поэт – читатель», «Поэт – журналист», «Поэт – философ», «Поэт – ночной прохожий», «Поэт – бизнесмен» – представляют, прежде всего, интервью автора со своим «Alter ego», а также диалоги-споры с реальными и потенциальными оппозиционерами. Так, Б. Канапьянов, «практикующий поэт» и издатель, смело оценивает роль поэзии и шире – творчества в новом XXI-м веке.

В попытке определить комплекс культурных тенденций современности, определяющим рубежное сознание, становится ощущение исчерпанности «современности» и потребности в ее творческой переориентации. Повествовательность в поэтическом тексте продиктована жаждой подлинности – жизненной и житейской. Подлинность повествовательной интонации обеспечена оголенной точностью, беспощадной правдивостью, прямой достоверностью и проявляется в интересе к дневникам, письмам, непридуманному, литературе факта вообще. Так, Б. Канапьянов избирает в качестве модели писательского поведения миссию «летописца»:

Где гекзаметр жизни пролег, спотыкаясь о запятые,
Там камень точкой предстанет – и строку навсегда
оборвет.

«Летописец» [4, 175].

Летописец своего времени, «двойник» Гомера, поэт рубежа веков и тысячелетий, современник чернобыльской катастрофы, Б. Канапьянов в своем творчестве ищет соответствующую художественную форму: «тяжелая проза столетий спрессована в книжный формат» [4, 132].

Признания Евгения Курдакова о существовании у каждого художника своеобразного «метамира» подтверждаются его лирическим эссе «Купина неопалимая», лирической биографией «Дождь золотой» и, конечно, последним лирико-публицистическим опусом «Пушкинский дворик». Прозаические опыты Е. В. Курдакова имеют глубоко личностный, лирический, предельно искренний характер, оставаясь в то же время в границах повествовательности. Курдаков называет в качестве способа приближения к миру «лирическую суггестивную поэзию, проистекающую сразу в нескольких временных и духовных простран-

ствах» [5, 116]. Соответствия между явлениями жизни природы и сложными механизмами литературного процесса многое объясняют в жанровых «смещениях» художественного мира Е. Курдакова. В литературном наследии поэта представлены разные повествовательные жанры: это научно-флористическая; производственная; пейзажно-философская; художественно-публицистическая; биографическая проза.

Поэт XX века Е. Курдаков остро ощущает свою абсолютную «физическую связь с землей», рассматривает свой мир «пристально и неспешно», обнаруживая, что столкновение и пересечение литературных судеб и биографий рождает эффект творческой предопределенности: «перо «само» поведет туда, куда его направит душа». В книгах, точнее в Книге, которую составляет все разно-жанровое наследие Курдакова, представлена правда жизни: она всегда «ретроспективна, вне-жанрова и бессюжетна, она просто жизнь» (Курдаков Е. В. Дождь Золотой: Очерки, рассказ, эссе. – Бузулук, 2002):

И снова судьбою становится Слово,
Всевластное даже над смертью самой [5, 125].

По собственному признанию Е. Курдакова, поэт становится поэтом только тогда, когда он создает свой цельный и законченный «метамир», «адекватный жизни» автора и его взгляду на мир, в который «помещается читатель».

Восточно-казахстанский поэт с характерной индивидуальностью слога, проявленной в интонационной чистоте, Сергей Комов – автор двух поэтических книг: «С вечной верой в добро» (С.-Петербург, 1995 г.) и «Бухтарминская лилия. Стихи и баллады» (Алматы, 2004 г.). В фабульной определенности, в детально выписанной ситуации раскрывается лиро-эпическая природа стихотворений и поэм С. Комова. Именно рассказ о «замечательных судьбах» обыкновенных героев и становится предметом художественного изображения в поэтических книгах молодого автора. Образную систему его лирических новелл составляют: дед, похожий на Куклачева – весь – «свет и доброта», дворник, «в прошлом – неплохой историк, /Теперь он дворник, чистит снег», и «сквозь снег веков он слышит пенье / Далеких княжеских дружин»; предметы быта: ведро, цветок алоэ и подобные привычные вещи, незаметные непоэтическому глазу.

В поэтических миниатюрах С. Комова голос повествователя звучит с убедительной непосредственностью, в повествовательной, эпической природе его поэтики ощущается зрелая филологическая культура: «И детский язык, словно древний, забытый санскрит, / Сокрыт в нас, как миф, что питает глубинным свеченьем». Автор уверенно «ведет» своего читателя к осознанию собственного стиля, с трепетом относится к своему поэтическому таланту, зная, что «волшебная дверь» открывается не всякому, но «глаз мой чуткий, досужий фонарь, / Отраженный на глади водицы», и от него не ускользнет ни одна деталь увиденного поэтом мира. Следование выбранной повествовательной манере не исключает разнонаправленность лирического высказывания в поэтическом творчестве Сергея Комова.

Повествовательные стратегии в современной казахстанской поэзии отражают особенности и специфику историко-культурного дискурса, который характеризуется поиском новых форм от-

ношений человека с миром, новых ценностей и критериев во всех сферах культуры и, в конечном счете, формирует принципы грядущей культуры. Современная казахстанская поэзия как составляющая мирового литературного процесса именно в повествовательной интонации лирических размышлений тонко передает культурный полифонизм, подлинный диалог, поиски новых смыслов и новых художественных форм, стимулирует интеграцию различных культур, способствует выработке нового целостного взгляда на мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Канатъянов Б.М. Кофе-брейк. Заметки, эссе, диалоги. Алматы: Жибек жолы, 2003.
2. Сулейменов О.О. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. Алма-Ата: Жалын, 1990.
3. Сулейменов О. Собрание сочинений в 7 т. Алматы: Атамура, 2004.
4. Канатъянов Б. Над уровнем жизни: Стихи, поэмы, переводы. М.: Художественная литература, 1999.
5. Курдаков Е.В. Пушкинский дворик // Простор. 2003. №2. С. 109-131.